

УДК 392.51+391.982+581.9
ББК 63.5:28.58

СВАДЕБНОЕ ДЕРЕВЦЕ (РЕПЕЙ) В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

МИХАИЛ ГЕРШОНОВИЧ МАТЛИН

(Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова:
432071, Российская Федерация, г. Ульяновск, пл. Ленина, д. 4/5)

***Аннотация.** В статье рассматривается функционирование свадебного дерева (репья) в русской народной свадьбе Ульяновской области. Показывается, что оно было обусловлено рядом факторов, главные из которых — своеобразие ландшафта отдельных сёл, изменений, произошедших с ним, а также креативной деятельностью участников свадьбы.*

***Ключевые слова:** свадьба, репей, свадебное дерево, Ульяновская область, культурный ландшафт.*

ВВЕДЕНИЕ

Одним из актуальных направлений в изучении традиционной культуры сегодня является исследование культурного ландшафта, который определяется как результат «совместной деятельности природы и человека» [Конвенция об охране...], как «особый тип наследия, обеспечивающий взаимодействие, взаимопроникновение и взаимозависимость природных и культурных компонентов наследия» [Веденин, Кулешова 2004, 13].

На сегодняшний день существует большое количество работ, посвящённых культурному ландшафту [Fleming; Cosgrove 1978; Minca 2013; Hirsch 1995, 1–30; Nassauer 1995; Иванова, Калуцков; Калуцков 2008; Кулешова 2000].

При исследовании культурного ландшафта учёные предлагают учитывать как внешние, так и внутренние моменты. К внешним моментам можно отнести, например, «различия в природном окружении (степь и лес, суровый север и тёплый

юг, горы и открытое поле); различные исторические обстоятельства (характер миграционных процессов, этническая обособленность одних районов и живые контакты, межэтнические влияния в других); хозяйственный и бытовой уклад (т. е. различия в хозяйственно-культурной типологии)»; а к внутренним — «факторы, связанные с творческой деятельностью самих носителей фольклорной культуры», — цит. по: [Путилов 1994, 148]. Важно в таких исследованиях ещё и то, что историческая преемственность в регионах, которые сформировались на родоплеменной основе, и поздневторичных, сложившихся «относительно поздно по времени и в результате миграции неоднородного в этническом отношении населения», будет различной. Как подчёркивал Б. Н. Путилов, «в новых регионах не просто поддерживались и развивались перенесённые из “метрополии” традиции, но и создавались новые» [Путилов 1994, 150].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, регистрационный номер проекта 34.6993.2017/БЧ.

Эту особенность функционирования традиционной культуры в пространстве и времени некоторые исследователи называют «ритуальной динамикой». Происходящие при этом изменения ритуалов бывают двух видов: «изменения в их контексте (как результат переноса) и изменения в самих ритуалах (как ответ на изменения в контексте)» [Langer, Lüddeckens, Radde, Snoek 2006, 1]. При этом контекст не всегда определяет динамику: огромное значение имеет внутренняя динамика самих ритуалов, существенную роль в которой играет «творчество (креативность) их участников, которые могут вносить изменения» [Langer, Lüddeckens, Radde, Snoek 2006, 1].

О том, что это важнейшее качество самой традиции, её существования писала Т. Б. Щепанская, отмечая, что «изменчивость рассматривается здесь не как симптом трансформации (читай: «порчи», утраты) традиции, а, скорее, как показатель её живой актуальности» [Щепанская 2011, 60].

Важное значение в формировании культурного пространства имела растительность. Её роль и место в культурном ландшафте, своеобразии растительного кода в ритуалах и обрядах давно уже стало объектом научных исследований [Сумцов 1996, 136–143; Потенба 1914, 159–187; Пропп 1995, 67–78; Соколова 1979; Часовникова 2003; Толстой 1995, 333–340; Толстой 1986, 39–43; Толстая 2008, 338–346; Агапкина 1999, 60–69; Усачёва 2009, 406–412; Усачёва, Чёха 2009, 412–413; Колосова 2012, 303–307; Колосова 2012; Plants and herbs 2016; Вуйнович 2013, 110–119].

В отдельных работах рассматривается растительный код в традиционной восточнославянской и русской свадьбе [Зорин 2004; Гура 2012, 254–279; Виноградова, Усачёва 1999, 156–160; Гура 1999, 83–84; Усачёва 1999, 446–448; Агапкина 2012, 134–137].

Частично рассматривали исследователи и особенности семантики и прагматики репья в славянской и русской традиционной культуре, в том числе и в свадебном обряде [Левкиевская 1999, 566–568; Брайловский 1891, 223–224; Минх 1893, 191–192; Ефимов].

В некоторых работах есть попытка проследить связи между типом

растительности и своеобразием флористико-географических территорий проживания того или иного этноса [Автономов 1902, 286].

С точки зрения особенностей функционирования растительности в свадебной обрядности в контексте концепции культурного ландшафта и с учётом миграционных процессов и трансформаций, происходивших в традиционной культуре в процессе освоения новых территорий, Ульяновское Поволжье является чрезвычайно интересным объектом исследования. Это связано с тем, что данная территория представляет собой лесостепную зону Среднего Поволжья, заселение которой русскими происходило, начиная с конца XVII в., в течение XVIII в. и частично XIX в. Оно шло тремя потоками — с севера Волги, из центральных и южных районов России. Переселенцы не только приносили свою культуру в новые места, но часто оказывались в иных ландшафтных условиях, что порождало адаптационные явления не только в хозяйственной, но и в культурной сфере. А в процессе жизнедеятельности переселенцев, в результате их воздействия на природную среду происходила трансформация растительного покрова (обезлесение, распахивание лугов, появление новых лесных массивов и др.), что также воздействовало на традиционный свадебный обряд, порождая многообразные его трансформации.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье использованы материалы из архива НОЦ «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д. Н. Садовникова УлГПУ им. И. Н. Ульянова. Это записи русских народных свадебных обрядов, сделанные в 19-ти районах области (из 21-го, два района национальные — чувашский и татарский), в 162-х сёлах (100 записей свадьбы). В 61-м населённом пункте 14-и районов в качестве свадебного деревца зафиксирован репей (38 %).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ записей показал, что на территории Ульяновского Поволжья в русском народном свадебном обряде в период с 20-х годов XX в. до начала XXI в. на всех

его этапах доминировали три типа растительности: хвойное дерево (ветки ели, сосны или целые небольшие деревца), лиственное дерево (берёза, берёзовая ветка, берёзовый веник), травянистое растение (репейник).

Установлено, что не существовало прямого соответствия ландшафтных особенностей района и использования именно репья. Репей мог присутствовать в свадьбе сёл лесных районов и, наоборот, отсутствовать в лесостепных и степных. Даже соседние населённые пункты одного района могли отличаться типом используемого свадебного деревца. Например, в Барышском районе (лесном) в с. Водорацк использовали репей, а в с. Акшут — ель. Поэтому гораздо важнее ландшафтные особенности конкретных населённых пунктов. Порою именно они обуславливают возможность использования даже двух типов растительности в свадьбе. Сохранение типа растительности, используемого в свадьбе, или применение двух типов может быть связано с изменениями ландшафта: вырубкой лесов, сменой типа леса (хвойный сменялся лиственным), а также выращиванием новых лесов. Оба эти процесса с разной степенью интенсивности существовали уже в XIX веке.

Именно так произошло в с. Бестужевка Кузоватовского района Ульяновской области, как утверждают его старожилы.

«Накануне веник носили наряженный из разных тряпок — жениху-то подарят. <Соб.: Когда веник носят?> За день до венчания. Красота — берёзовый веник. Щас то нет ничего, репей вон сорвут. Щас репей наряжают» (зап. от А. П. Старостиной, 1925 г. р., с. Бестужевка, Кузоватовский р-н, Ульяновская обл. Соб. М. Г. Матлин, Ю. А. Пыркина. 1998).

Тип используемой растительности мог быть обусловлен расстоянием от села до леса.

«Во время свадьбы репей ставили на стол (лес был далеко, за сосной поэтому не ходили). Его лентами украшали, бумажками разноцветными» (Зап. от М. Н. Посереяевой, 1914 г. р., с. Большие Посёлки, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. И. А. Струева. 1987 г.).

Возможно, было также варьирование растительности в зависимости от сезона. Например, летом использовали сосну или ёлочку, а зимой — репей.

«<Соб.: А к жениху ходили за веником?> Как же, накануне свадьбы за веником да за мылом ходили. <Соб.: А с чем ходили?> С красотой. <Соб.: А что это такое?> Сосну привозили с леса, летом если свадьба, а зимой — всё репей наряжали. Он высохнет, его бумажками всё обвяжут и цветами всякими. И идём с этой красотой к жениху» (Зап. от Н. К. Яковлевой, 1915 г. р., с. Бестужевка, Кузоватовский р-н, Ульяновская обл. Соб. М. Г. Матлин, Ю. А. Пыркина. 1998 г.).

Варьирование используемой растительности также могло быть обусловлено личной креативностью участников обряда или какой-либо индивидуальной ситуацией.

«Свадебное деревце — берёзку или репейник украшают лентами. Назывался **садом**. Носили накануне свадьбы. Придут к невесте с **садом**, за стол засядут. Песни поют» (Зап. от А. И. Жестковой, 1920 г. р., с. Малая Борла, Кузоватовский р-н, Ульяновская обл. Соб. С. Е. Рябова. 1995 г.).

Изменение ландшафта местности могло вызвать расхождение между номинацией свадебного деревца и используемой растительностью. Например, в с. Заречное Барышского района Ульяновской области действие с растительностью на свадьбе называли «**ходить с сосёнкой**», а носили репей.

Ещё одним важным моментом, отразившим своеобразие функционирования репья на свадьбе Ульяновской области, являются номинации репья и обрядовых действий с ним.

Во-первых, репей именовали **крóста** (красота)

«А уж вот в эту субботу, в воскресенье свадьба. Значит, в субботу, в пятницу идём **крóсту** (=красоту) наряжаем. <...> Вот, значит, репей нарядим и сами, значит, наряжамся. Идём, во что только нады: кто шинели, кто солдатом — нарядутся, кто во что. Идём с этой **крóстой** к жениху» (Зап. от Г. Н. Агафоновой, 1939 г. р., с. Водорацкое, Барышский р-н, Ульяновская обл. Соб. А. Ю. Цухлов. 1992 г.).

Во-вторых, репей именовали **цветок**.

«Вечора-то делал. Как усватают невесту, делали вечер. Девчонки. Робяты накануне **цветок** наряжали. Подружки соберутся, сорвут репейник, его обрядют

всякими цветами, бумажками. Потом он на свадьбе на столе стоит, продают его» (Зап. от А. Л. Филатовой, 1914 г. р., с. Силаевка, Барышский р-н, Ульяновская обл. Соб. Е. А. Хардова. 1991 г.).

В-третьих, репей именовали **голова (голова невесты)**, а действия с ним — **голову невесте наряжать**.

«Репей наряжали на свадьбу, т. е. в день венчания. Конец репья обёртывали, вероятно, тряпчочкой и втыкали в каравай хлеба, который ставили на стол, укрыв полотенцем. Репей невеста наряжает. Это называлось **голову наряжать**» (Зап. от А. Ф. Выровской, 1903 г. р., с. Малая Хомутерь, Барышский р-н, Ульяновская обл. Соб. О. Хардова, О. Гладкова. 1992 г.).

В-четвёртых, репей именовали **сад**, соответственно действие с ним — **ходить с садом**.

«<Соб.: А репей не наряжали?> Репей-то наряжали. <Соб.: И как это называлось?> **Идти с садом. Сад** наряжать надо и с ним идти к жениху» (Зап. от М. К. Ильиной, 1906 г. р., с. Старые Савадёрки, Барышский р-н, Ульяновская обл. Соб. О. Хардова. 1999 г.).

Появление номинации репья — **сад** и действия с ним — **ходить с садом** может быть обусловлено песней, которую традиционно исполняли девушки, когда шли с репьем в дом жениха.

«<Соб.: У вас наряжали репей?> Репей, репей наряжали. <Соб.: А что это такое? Из чего он?> А вот, вон репей (указывает на овраг, в котором растёт репей — соб.) <...> <Соб.: А кто наряжал?> Вот эти девчонки все, бабы; и поют. Погоди... «Эх, сад, ты мой сад. Сад-огород увивается». Вот так вот про сад поют» (Зап. от А. Ф. Варламовой, 1929 г. р., с. Старые Савадёрки, Барышский р-н, Ульяновская обл. Соб. Е. В. Сафронов, О. Н. Степанец. 1999 г.).

В-пятых, репей именовали **куваль**.

Как и в предыдущем случае, появление такой номинации может быть связано с песней, приуроченной к данному обрядовому действию — несение наряженно-го репья в дом невесты.

«Накануне свадьбы собирается девишник. Девки, подружки невесты, баню истопят и идут к жениху за венником и мылом. А в это время у жениха наряжают свадебное деревце. Срывали репей и вешали на него тряпки красные, конфетки.

Это **куваль** и есть. <...> Потом девки брали **куваль**, мыло, венник и идут с песнями. Поют “Куваль”: “Куваль, куваль, кувалёк, куваль, миленький дружок...”» (Зап. от М. Н. Старостиной, 1905 г. р., с. Араповка, Сурский р-н, Ульяновская обл. Соб. Е. А. Кожяева. 1991 г.).

Особо необходимо отметить действие, которое называлось **наряжаться репьем**.

«Второй день ходили **репьем наряженные** — репей, кудель вешали на себя. Нарядились подружки и родные» (Зап. от Н. Т. Ладониной, 1912 г. р., с. Большая Борисовка, Инзенский р-н, Ульяновская обл. Соб. М. Г. Матлин. 1980 г.).

В с. Большое Станичное Карсунского района зафиксирована традиция изготавливать украшение из бумаги, которое называлось **репей** и укреплялось на шапку дружке.

«В доме жениха собирается поезд. Впереди его едет шафёр (верховой). На него надевают полотенцы вышитые, банты (ленты) на головной убор и репей (из бумаги)» (Зап. от П. М. Дорониной, 1913 г. р., с. Большое Станичное, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. И. А. Струева. 1987 г.).

Изготовление репья и его использование не всегда происходило в один и тот же день и в одном и том же доме. В подавляющем большинстве записей репей приурочен к обрядовому комплексу, проходившему за день до венчания и утром в день венчания, и связан с домом невесты.

Репей изготавливали в доме невесты и оставляли там.

«А репей у невесты остаётся, убирает невеста его куда-то и хранит его» (Зап. от В. В. Бородиной, 1918 г. р., с. Сухой Карсун, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. П. С. Курприянов. 2004 г.).

Репей изготавливали и использовали на Запое.

«На Запой наряжались, договаривались. Нарядили куст — репейник сухой — тряпками да бумажками» (Зап. от П. И. Андрейченко, 1923 г. р., с. Малая Хомутерь, Барышский р-н, Ульяновская обл. Соб. Е. Хардова, А. Матлин. 1992 г.).

Репей изготавливали и использовали на вечерках.

«Когда невесту усващают, то на вечерках ставили репей, разукрашенный

всевозможными тряпочками. На репей ставили свечки» (Зап. от Р. Н. Наяновой, 1909 г. р., с. Артюшкино, Сенгилеевский р-н, Ульяновская обл. Соб. Т. Н. Моисеева. 1984 г.).

Репей девушки или родные невесты наряжали накануне дня венчания, шли с ним в дом жениха и оставляли его там.

«А уж вот в эту субботу, в воскресенье свадьба, значит, в субботу, в пятницу идём **крóсту** (=красоту) наряжаем. <...> Вот, значит, репей нарядим и сами, значит, наряжамся. Идём, во что только надь: кто шинели, кто солдатом — нарядаются, кто во что. Идём с этой **кростой** к жениху. <...> <Соб.: А что делали с красотой?> Ну, поставишь тут, а тут уж маленьки ребятишки после играют, разоряют» (Зап. от Г. Н. Агафиной, 1939 г. р., с. Водорацк, Барышский р-н, Ульяновская обл. Соб. А. Ю. Цухлов. 1992 г.).

Репей изготовляли ночью перед днём венчания.

«За день до свадьбы подружки невесты приходят на девичник, невесту спать укладывают, а сами наряжают репей (**голову невесты**)» (Зап. от Е. Т. Кузнецовой, 1924 г. р., с. Старая Савадёрка, Барышский р-н, Ульяновская обл. Соб. Е. Иванова. 1996 г.).

Репей изготовляли на вечерке после просватанья, а использовали в день венчания на выкупе.

«Вечора-то делал. Как усватают невесту, делали вечер. Девчонки, робяты накануне цветок наряжали. Подружки соберутся, сорвут репейник, его обрядют всякими цветами, бумажками. Потом он на свадьбе на столе стоит, продают его» (Зап. от А. Л. Филатовой, 1914 г. р., с. Силаевка, Барышский р-н, Ульяновская обл. Соб. Е. А. Хардова. 1991 г.).

Репей увозили вместе с невестой в дом жениха.

«<Соб.: Репей наряжали?> Репей, куст. Нарядят его, на стол поставят, пирог испекут. <Соб.: Когда наряжали?> Во время свадьбы, после Запоя делают вечер и девки к жениху ходют. <...> <Соб.: Репей где ставили?> Среди стола. <Соб.: Как его ставили?> В каравай, в хлеб. Прямо в хлеб его втыкали, караваи-те высокие пекли, так делали (показывает руками горку — Соб.) и посреди стола. А пирог рядом с этим стоит, с репьем. <...> <Соб.: А потом куда репей

девали?> Невесту увезут — репей со стола берут, его сожимают вверх кучкой, вперёд невесты этот репей уносят. <...> <Соб.: Куда увозят?> К жениху» (Зап. от А. В. Силаевой, 1914 г. р. (урож. с. Поповые Выселки того же р-на), с. Малая Хомутерь, Барышский р-н, Ульяновская обл. Соб. Е. В. Сафронов, О. Н. Степанец. 1999 г.).

Репей изготавливали родные жениха и приносили в дом невесты на девичник.

«Девки с утра приходят (накануне дня венчания — М. М. Г.), невеста унывна сидит. Собираются и ждут, когда к ним с суслом придут. Сусло — это квас, повашему. У жениха-то репей нарядют, свекровь чайник квасу, суслу-то бишь, нальёт, и близкая родня идёт к невесте» (Зап. от Н. В. Иргизовой, 1894 г. р., с. Ясаиный Стызган, Базарносызганский р-н, Ульяновская обл. Соб. С. Борисова. 1980 г.).

Репей использовали на горном (свадебный пир).

«На горной когда приходят, то украшают сырую свиную голову. Ставят её на тарелку, украшают бумагой, просят репей для украшения головы» (Зап. от А. Ф. Платоновой, 1898 г. р., с. Араповка, Вешкаймский р-н, Ульяновская обл. Соб. М. П. Чередникова. 1978 г.).

Рассмотрим теперь некоторые особенности прагматики и семантики репья в качестве свадебного дерева.

Обобщая данные разных исследователей о семантике и прагматике репья в русской народной свадьбе, результаты анализа функционирования репья в русской народной свадьбе Ульяновской области, можно выделить следующие его основные функции.

I. **Информационная** — информировать, оповещать о свадьбе или отдельном свадебном обряде.

С репьем, наряженным или нет, девушки обходят или объезжают село, часто исполняя при этом песни, в том числе и свадебные.

«Приедут поезжане. Девки, разделившись, станут на сани и поедут. Только девки, и репей возьмут. Пока на свадьбе собираются, девки катаются с репьем на паре» (Зап. от М. З. Росолова, 1910 г. р., с. Барышская Дурасовка, Барышский р-н, Ульяновская обл. Соб. М. Г. Матлин. 1991 г.).

II. Символическая.

1. Репей модифицируется или трансформируется.

Редко встречается в качестве отдельного и самостоятельного акта.

Модификация чаще всего выступает в виде наряжения репья. Используемые при этом разноцветные тряпочки, девичьи ленты, бусы модифицируют природный объект, делают его символическим обозначением невесты и, в частности, ритуальным вариантом *девичьей красоты*.

В результате этих действий, совершаемых как в доме невесты, так и в доме жениха, девушками, родными невесты или родными жениха, репей становится одним из вариантов свадебного деревца, так что его семиотический статус (быть символом вступающих в брак) артикулирован.

«А на столе ещё репейник ставили. Раньше большинство ведь по зимам свадьбы делали, цветов потому не было, репейник наряжали. Бумагу покрасят, из бумаги вырежут разные цветочки и на этот сухой репейник повесят. Наряжали репейник у невесты» (Зап. от К. А. Крючковой, 1928 г. р., р. п. Старая Майна, Старомайнский р-н, Ульяновская обл. Соб. Н. В. Шинкарова. 1996 г.).

Особый вариант трансформации репья зафиксирован в с. Тагай Майнского района — его преобразовали в женскую голову.

«<Соб.: Репей выносили?> Его нарядят бабой. Ему и морду сделают, и всё. <Соб.: Это кусту лицо делают?> Да. <...> Его ведь нарядят и сделают как человек, вот как человек сделают: и морду ему подведут, и белым этим... платок какой-нибудь — и нарумянят, глаза выведут, и нос, и бусы — всё» (Зап. от А. И. Платковой, с. Тагай, Майнский р-н, Ульяновская обл. Соб. Е. В. Сафронов, И. С. Павлов. 1999 г.).

2. Репей после выкупа или без него перемещают из пространства одного брачного партнёра в пространство другого брачного партнёра.

Перемещение репья из дома одного брачного партнёра в дом другого, сопровождаемое его куплей-продажей, обменом на другой предмет или без этих действий, во-первых, осуществлялось представителями половозрастных групп брачующихся или представителями их родов. Во-вторых, такое перемещение было символическим перемещением «чужого» в «своё», а «своего» в «чужое», что

может рассматриваться как развёртывание брачной модели при помощи предметного кода [Гура 2012, 51–61].

В-третьих, обмен или купля-продажа репья является одним из вариантов многочисленных актов дарообмена, приносящих свадьбе, доминирующая функция которых — соединять, связывать брачующиеся стороны. Поэтому в этом акте репей, модифицированный или нет, становится символом брачного партнёра, а сам акт обмена, купли-продажи — символом брака.

2.1. Репей изготавливали в доме невесты, девушки переносили его в дом жениха и там продавали.

«До бани подружки мои ходили к жениху за венчиком и мылом. В руках они несли наряженный репей, а наряжали репей в разноцветные бумажки, тряпочки. Репей девчонки продавали по веточкам» (Зап. от А. И. Гордеевой, 1917 г. р., с. Волостниковка, Старомайнский р-н, Ульяновская обл. Соб. Л. Ш. Хасянова. 1995 г.).

2.2. Репей девушки изготавливали в доме невесты, приносили в дом жениха и там обменивали на курник.

«На девичник девушки ходят к жениху с репьем, который наряжают цветами, бусами. У жениха девушек встречают. Жениху поют песни, репей ставят в избу. <...> За репей девушкам дают курник» (Зап. от М. А. Казаковой, 1905 г. р., с. Нижняя Туарма, Вешкаймский р-н, Ульяновская обл. Соб. М. П. Чередникова. 1978 г.).

2.3. Репей изготавливали в доме невесты, девушки переносили его в дом жениха, а потом репьем украшали свадебный поезд.

«<Соб.: А с собой несли что-нибудь?> Цветок, или репей наряжали бумажками, или сосну: и тряпки вешали, и цветы-то делали. <...> <Соб.: Репей, который они принесли, куда девали?> Жениху оставляли. Соберут это всё и на лошадей повешают» (Зап. от Т. С. Беловой, 1915 г. р., с. Бестужевка, Кузоватовский р-н, Ульяновская обл. Соб. М. Г. Матлин, Ю. А. Пыркина. 1998 г.).

2.4. Репей девушки изготавливали в доме невесты и продавали утром в день венчания, а поезжане потом увозили его в дом жениха.

«Свидетельницу и саму невесту уводили спать (накануне дня венчания — М. М. Г.), чтобы они отоспались.

Остальные подружки не спали всю ночь. Наряжают **голову**: берут самый старый репей, цветную бумагу и обёртывают все кустики, листочки, каждую тычиночку, а сами шижки не оборачивали. Это называлось **голова невесты**. Всю ночь поют песни свадебные, унылые. <...> Сначала выкупают место жениху <...> Потом хрёстна жениха начинают выкупать **голову невесты**. Если они её выкупят, то невеста считалась выкупленной, и этот репей они увозят к жениху» (Зап. от С. С. Фомичевой, 1938 г. р., с. Новая Ханинеевка, Барышский р-н, Ульяновская обл. Соб. Е. Иванова. 1996 г.).

2.5. Репей изготавливали в доме жениха, передавали девушкам, а они переносили его в дом невесты.

«Накануне свадьбы собирается девичник. Девки, подружки невесты, баню истопят и идут к жениху за венником и мылом. А в это время у жениха наряжают свадебное деревце. Срывали репей и вешали на него тряпки красные, конфетки. Это **куваль** и есть. <...> Потом девки брали **куваль**, мыло, венник и идут с песнями» (Зап. от М. Н. Старостиной, 1905 г. р., с. Араповка, Сурский р-н, Ульяновская обл. Соб. Е. А. Кожаева. 1991 г.).

Несколько особняком стоит вариант действия, при котором репей девушки относили в дом жениха, но затем снова возвращали его в дом невесты.

«С репьем ходили и за мылом сразу. Репей тряпками украшали, бумажками разными. С мылом и венник давали в бане париться. Девки уходили, репей с собой забирали» (Зап. от А. И. Ермиловой, 1920 г. р., с. Вольница, Кузоватовский р-н, Ульяновская обл. Соб. П. Аверьянов, О. Н. Степанец. 1996 г.).

В данном случае можно говорить о редукции символической функции данного акта и выдвигении на передний план эстетической, также входившей в пучок функций, присущих наряженному свадебному деревцу [Богатырёв 2007, 289].

3. Деструкция репья.

3.1. Полная деструкция репья.

Разрушение, уничтожение свадебного деревца, как известно, являлось действием, которое обозначало утрату невестой девического статуса.

«А вот этот самый дружка покупает (репей — М. М. Г.). А потом, когда тут родные все сойдутся, обед отходит,

отгуляют, эти жениховой стороны родные берут этот репей и увозят к жениху. <Соб.: Там его хоронят?>. Ну, хоронят! Живо заломают» (Зап. от А. П. Кузьминой, 1912 г. р., с. Попова Мельница, Барышский р-н, Ульяновская обл. Соб. Е. В. Сафронов, О. Н. Степанец, 1993 г.).

3.2. Частичная деструкция репья.

3.2.1. Репей разделяли на ветки и раздавали их родственникам невесты. Данное действие над свадебным объектом, символизирующим вступающего в брак, можно интерпретировать как символическое оформление сохранности родственных связей между невестой и её родом.

«Расплетали косу невесте накануне свадьбы (на девичнике — М. М. Г.), во время этого пели песни, а невеста плакала. В это время украшался репейник в доме невесты. Во время свадьбы этот украшенный репейник делился между всеми родными (невесты — М. М. Г.)» (Зап. от Е. П. Полуховой, 1918 г. р., с. Троицкий Сунгур, Новоспасский р-н, Ульяновская обл. Соб. Е. А. Авдеева. 1992 г.).

3.2.2. Репей разделяли на ветки и украшали ими лошадей в свадебном поезде.

Разделение репья на веточки и украшение ими свадебного поезда символизировало, с одной стороны, разрыв связей невесты с родными, а, с другой, — присоединение к новой общности.

«Репей наряжали в субботу (в воскресенье венчались). Девки наряжались к вечеру, к жениху идут. Стоят у ворот, песню поют. Отец вперёд вышел. Не идут. Опять поют. Жоних выйдет — зайдут. Репей на стол ставят. Его на коней разделят и им нарядят» (Зап. от Е. П. Полуховой, 1918 г. р., с. Троицкий Сунгур, Новоспасский р-н, Ульяновская обл. Соб. Е. А. Авдеева. 1992 г.).

4. Эстетическая, праздничная.

Наряжение растения лентами, бусами, разноцветными тряпочками или бумажками, а в некоторых селах Сенгилеевского района закрепление и зажигание на украшенном репье небольших свечек, делало его красочным и превращало в символ праздника. Благодаря такому преобразованию репья обрядовый акт — отнесения подарков от невесты жениху и его родственникам — превращался в яркое зрелище, которое усиливали свадебные песни, исполняемые девушками по дороге к дому и в доме жениха.

ВЫВОДЫ

1. Полученные результаты свидетельствуют, что репей может присутствовать в свадьбе в сёлах лесных районов и, наоборот, отсутствовать в лесостепных. Даже соседние населённые пункты одного района могли отличаться типом используемого свадебного деревца.

2. Сохранение типа растительности, используемого в свадьбе, или применение двух типов связаны с изменениями ландшафта, которые могут быть обусловлены вырубкой лесов (значительно увеличивало расстояние до ближайшего леса), сменой типа леса (хвойный сменялся лиственным). Зафиксирована также зависимость используемого типа растительности от сезона.

3. Номинации репья в свадьбе: **репей (репейник), голова (голова невесты), цветок, сад, крѣста (красота).**

4. Использование репья в свадьбе происходило во время всех трёх свадебных

этапов. Но чаще всего его использовали за день до венчания, при посещении дома жениха девушками или родными невесты, и утром в день венчания во время выкупа. При этом преобразования репья в свадебное деревце (обряжение) и использование его могло происходить в разные дни.

5. Основные функции репья в свадьбе: *информационная* (информировать, оповещать о свадьбе или отдельном свадебном обряде), *символическая* (обозначать брак, брачных партнёров, обозначать утрату невестой девического статуса, обозначать акт *coitus'a*), *эстетическая, или праздничная* (наряжение растения лентами, бусами, разноцветными тряпочками или бумажками делало его красочным и превращало в символ праздника, а свадебные песни, исполняемые девушками по дороге к дому и в доме жениха, усиливали этот эффект).

Источники и материалы

Cosgrove 1978 — *Cosgrove D. Place, landscape and dialectics of cultural geography // Canadian Geographer. 1978. Vol. 22. № 1. P. 66–72.*

Fleming — *Fleming K. Cultural landscape: a theoretical perspective/ URL: <https://ru.scribd.com/document/287728971/Cultural-Landscape-a-Theoretical-Perpsective> (дата обращения 06.08.2018).*

Hirsch 1995 — *Hirsch E. Introduction Landscape: Between Place and Space // The Anthropology of Landscape: Perspectives on Place and Space / Edited by Eric Hirsch and Michael O'Hanlon Oxford, 1995; pp. 1–30.*

Plants and herbs 2016 — *Plants and herbs in traditional Serbian culture: Handbook of folk botany, edited Z. Karanović and J. Jokić. Belgrade: Serbian folklorist association, University library „Svetozar Marković“, 2016.*

Minca 2013 — *Minca C. The cultural geographies of landscape // Hungarian Geographical Bulletin 62 (1) (2013) 47–62.*

Nassauer 1995 — *Nassauer J. I. Culture and changing landscape structure // Landscape Ecology vol. 10 no. 4 pp. 229–237 (1995).*

Langer, Lüddeckens, Radde 2006 — *Langer R., Lüddeckens D., Radde K., Snoek J. Transfer of ritual // Journal of Ritual Studies. 2006. № 20 (1). p. 1–10.*

Автономов 1902 — *Автономов Я. А. Символика растений в великорусских песнях // ЖМНП. 1902. CCCV. Ноябрь. С. 46–101; ЖМНП. 1902. CCCXXXIV. Декабрь. С. 244–288.*

Агапкина 1999 — *Агапкина Т. А. Дерево // Славянские древности: этнолингвистический*

словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 2: Д–К (Крошки). М., 1999. С. 60–70.

Богатырёв 2007 — *Богатырёв П. Г. Народная культура славян / Сост. Е. С. Новик, Б. С. Долгин; Под ред. Е. С. Новик. М., 2007.*

Брайловский 1891 — *Брайловский С. Н. Праздник «Рипей» // Живая старина. 1891. № 3. С. 223–224.*

Веденин, Кулешова 2004 — *Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М., 2004. С. 13–36.*

Виноградова, Усачёва 1999 — *Виноградова Л. Н., Усачёва В. В. Ветка // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А–Д. М., 1999. С. 364–366.*

Вуйнович 2013 — *Вуйнович Т. Функции и значения растений в свадебных песнях из сборника Вука Караджича // Традиционная культура. 2013. № 4. С. 110–119.*

Гура 2012 — *Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012.*

Гура 1999 — *Гура А. В. Деревце свадебное // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 2: Д–К (Крошки). М., 1999. С. 83–84.*

Ефимов — *Ефимов В. В. Казачий свадебный обряд // Проза.ру // <http://www.proza.ru/2016/05/26/279> (дата обращения 06.08.2018).*

Зорин 2004 — *Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М., 2004.*

Иванова, Калуцков — *Иванова А., Калуцков В.* Концепция культурного ландшафта в исследовании и репрезентации фольклора. URL: <http://www.dvinaland.ru/culture/site/Publications/EoC/EoC2006-2/2.pdf> (дата обращения 06.08.2018).

Калуцков 2008 — *Калуцков В. Н.* Ландшафт в культурной географии. М., 2008.

Колосова 2010 — *Колосова В. А.* Славянская этноботаника: Очерк истории // Этноботаника: растения в языке и культуре / Отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова. СПб., 2010. С. 7–30.

Колосова 2012 — *Колосова В. Б.* Травы // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка)—Я (Ящерица). М., 2012. С. 303–307.

Конвенция... — *Конвенция об охране всемирного культурного наследия (1992 г.)* // UNESCO // Culture // World Heritage Center // Activities // Cultural Landscapes // <http://whc.unesco.org/en/activities/477> (дата обращения 06.08.2018).

Кулешова 2000 — *Кулешова М. Е.* Культурные ландшафты: общие представления, понятия, подходы к оценке // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. М., 2000. С. 37–52.

Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е. Е.* Колочество // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 2: Д–К (Крошки). М., 1999. С. 566–568.

Минх 1893 — *Минх А. Н.* Репей в народных обрядах и песнях // Этнографическое обозрение. 1893. № 2. С. 191–192.

Потебня 1914 — *Потебня А. А.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914.

Пропп 1995 — *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. СПб., 1995.

Путилов 1994 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная традиция. СПб., 1994.

Соколова 1979 — *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов, XIX — начала XX в. М., 1979.

Сумцов 1996 — *Сумцов Н. Ф.* Символика славянских обрядов: Избранные труды. М., 1996.

Толстая 2008 — *Толстая С. М.* «Человек живёт, как трава растёт» // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 338–346.

Толстой 1986 — *Толстой Н. И.* Невестка стала в поле тополем // Славянский и балканский фольклор. М., 1986. С. 39–43.

Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* «Мужские» и «женские» деревья и дни в славянских народных представлениях // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 333–340.

Усачёва 2009 — *Усачёва В. В.* Растения // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). М., 2009. С. 406–412.

Усачёва, Чёха 2009 — *Усачёва В. В., Чёха О. В.* Растения–обереги // Славянские древности: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. IV. М., 2009. с. 412–413.

Часовникова 2003 — *Часовникова А. В.* Христианские образы растительного мира в народной культуре. Петров крест. Адамова голова. Святая верба. М., 2003.

Щепанская 2011 — *Щепанская Т. Б.* Ржавая мерёжа: к вопросу о трансформации и вариативности традиционной культуры // Фольклор и этнография: К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова: Сборник научных статей / Отв. ред. А. К. Байбурун, Т. Б. Щепанская. СПб., 2011. С. 48–61.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Матлин М. Г. orcid.org/0000-0003-0748-1081

Кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы и патентно-лицензионного обеспечения Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова: Российская Федерация, 432071, г. Ульяновск, пл. Ленина 4/5. Тел. +7 (8422) 44-19-09; e-mail: matlin@mail.ru

WEDDING TREE (ARCTIUM) IN THE CULTURAL LANDSCAPE OF THE ULYANOVSK REGION

MIKHAIL G. MATLIN

(Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov:
4/5, Lenina sq., Ulyanovsk, Russian Federation, 432071)

Summary. *The article deals with the functioning of the wedding tree (rapja, or burdock) in the Russian folk wedding of the Ulyanovsk region. We show that its function depended on landscape variety around specific villages, its change over time, and creativity of the wedding participants.*

Keywords: *wedding, arctium, wedding tree, Ulyanovsk region, cultural landscape.*

Acknowledgements: *The reported study is supported by Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project No. 34.6993.2017/БЧ.*

References

Cosgrove D. (1978) Place, landscape and dialectics of cultural geography // *Canadian Geographer*. 1978. Vol. 22. № 1. Pp. 66–72.

Fleming K. Cultural landscape: a theoretical perspective / URL: <https://ru.scribd.com/document/287728971/Cultural-Landscape-a-Theoretical-Perpective> (access date 06.08.2018).

Hirsch E. (1995) Introduction Landscape: Between Place and Space // *The Anthropology of Landscape: Perspectives on Place and Space* / Edited by Eric Hirsch and Michael O'Hanlon Oxford. Pp. 1–30.

Plants and herbs in traditional Serbian culture (2016) *Handbook of folk botany*, edited Z. Karanović and J. Jokić. Belgrade: Serbian folklorist association, University library „Svetozar Marković”.

Mínca C. (2013) The cultural geographies of landscape // *Hungarian Geographical Bulletin* 62 (1). Pp. 47–62.

Nassauer J. I. (1995) Culture and changing landscape structure // *Landscape Ecology* Vol. 10. No. 4. Pp. 229–237.

Langer R., Lüddeckens D., Radde K., Snoek J. (2006) Transfer of ritual // *Journal of Ritual Studies*. No. 20 (1). Pp. 1–10.

Avtonomov Ya. A. (1902) Simvolika rasteniy v velikorusskikh pesnyakh // *ZHMNP*. 1902. CCCV. Noyabr'. S. 46–101; *ZHMNP*. CCCXXXIV. Dekabr'. Pp. 244–288.

Agapkina T. A. (1999) Derevo // *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*: v 5 t. / pod red. N. I. Tolstogo. T. 2: D–K (Kroshki). Moscow. Pp. 60–70.

Bogatyrev P. G. (2007) Narodnaya kul'tura slavyan / Sost. E. S. Novik, B. S. Dolgin; Pod red. E. S. Novik. Moscow.

Braylovskiy S. (1891) Prazdnik «Ripey» // *Zhi-vaya starina*. № 3. Pp. 223–224.

Vedenin Yu. A., Kuleshova M. E. (2004) Kul'turnyye landshafty kak kategoriya naslediya // *Kul'turnyy landshaft kak ob'yekt naslediya*. Pod red. Yu. A. Vedenina, M. E. Kuleshovoy. Moscow. Pp. 13–36.

Vinogradova L. N., Usacheva V. V. (2013) *Vetka* // *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*: v 5 t. / pod red. N. I. Tolstogo. T. 1: A–D. Moscow, 1999. Pp. 364–366.

Vuynovich T. Funktsii i znacheniya rasteniy v svadebnykh pesnyakh iz sbornika Vuka Karadzhi-cha // *Traditsionnaya kul'tura*. No. 4. Pp. 110–119.

Gura A. V. (2012) Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: Semantika i simvolika. Moscow.

Gura A. V. (1999) Derevtse svadebnoye // *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*: v 5 t. / pod red. N. I. Tolstogo. T. 2: D–K (Kroshki). Moscow. Pp. 83–84.

Efimov V. Kazachiy svadebnyy obryad // *Proza.ru* // <http://www.proza.ru/2016/05/26/279> (access date 06.08.2018).

Zorin N. V. (2004) *Russkiy svadebnyy ritual*. Moscow.

Ivanova A., Kalutskov V. Kontsepsiya kul'turnogo landshafta v issledovanii i reprezentatsii fol'klora. URL: <http://www.dvinaland.ru/culture/site/Publications/EoC/EoC2006-2/2.pdf> (access date 06.08.2018).

Kalutskov V. N. (2008) Landshaft v kul'turnoy geografii. Moscow.

Kolosova V. A. (2010) Slavyanskaya etnobotanika: Oчерk istorii // *Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture* / Otv. red. V. B. Kolosova, A. B. Ippolitova. Saint Petersburg. Pp. 7–30.

Kolosova V. B. (2012) Travy // *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*: v 5 t. / pod red. N. I. Tolstogo. T. 5: S (Skazka) — Ya (Yashcheritsa). Moscow. Pp. 303–307.

Konventsia ob okhrane vseirnogo kul'turnogo naslediya (1992) // UNESCO // *Culture // World Heritage Center // Activities // Cultural Landscapes* // <http://whc.unesco.org/en/activities/477> (access date 06.08.2018).

Kuleshova M. (2000) E. Kul'turnyye landshafty: obshchiye predstavleniya, ponyatiya, podkhody k otsenke // *Ekologicheskije problemy sokhraneniya istoricheskogo i kul'turnogo naslediya*. Moscow. Pp. 37–52.

Levkiyevskaya E. E. (1999) Kolyuchest' // Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. / pod red. N. I. Tolstogo. T. 2: D–K (Kroshki). Moscow. Pp. 566–568.

Minkh A. N. (1893) Repey v narodnykh obryadakh i pesnyakh // Etnograficheskoye obozreniye. No. 2. Pp. 191–192.

Potebnya A. A. (1914) O nekotorykh simvolakh v slavyanskoj narodnoy poezii. Khar'kov.

Propp V. Ya. (1995) Russkiye agrarnyye prazdniki. Saint Petersburg.

Putilov B. N. (1994) Fol'klor i narodnaya traditsiya. Saint Petersburg.

Sokolova V. K. (1979) Vesenne–letniye kalendarnyye obryady russkikh, ukrainsev i belorusov, XIX — nachalo XX v. Moscow.

Sumtsov N. F. (1996) Simvolika slavyanskikh obryadov: Izbrannyye trudy. Moscow.

Tolstaya S. M. (2008) «Chelovek zhivet, kak trava rastet» // Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshch斯拉vyanskoy perspektive. Pp. 338–346.

Tolstoy N. I. (1986) Nevestka stala v pole topolem // Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Moscow. Pp. 39–43.

Tolstoy N. I. (1995) «Muzhskiy» i «zhenskiy» derev'ya i dni v slavyanskikh narodnykh predstavleniyakh // Tolstoy N. I. Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike. Moscow. Pp. 333–340.

Usacheva V. V. (2009) Rasteniya // Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. / pod red. N. I. Tolstogo. T. 4: P (Pereprava cherez vodu) — S (Sito). Moscow. Pp. 406–412.

Usachyova V. V., Chyokha O. V. (2009) Rasteniya–oberegi // Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. / pod red. N. I. Tolstogo. T. 4: P (Pereprava cherez vodu) — S (Sito). Moscow. Pp. 412–413.

Chasovnikova A. V. (2003) Khristianskiye obrazy rastitel'nogo mira v narodnoy kul'ture. Petrov krest. Adamova golova. Svyataya verba. Moscow.

Shchepanskaya T. B. (2011) Rzhavaya merzhza: k voprosu o transformatsii i variativnosti traditsionnoy kul'tury // Fol'klor i etnografiya: K devyanostoletiyu so dnya rozhdeniya K. V. Chistova: Sbornik nauchnykh statey / Otv. red. A. K. Bayburin, T. B. Shchepanskaya. Saint Petersburg. Pp. 48–61.

ABOUT THE AUTHOR

Matlin M. G. orcid.org/0000-0003-0748-1081

E-mail: matlin@mail.ru

PhD in Philology, research scientist

Department of Organization of Research Studying and Patent Licensing Provide

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov

4/5, Lenina sq., Ulyanovsk, Russian Federation, 432071

Tel. +7 (8422) 44-19-09
